АКАДЕМИЯ ТЁРНХОЛЛ · КНИГА ТРЕТЬЯ

АЛИСА ВЕРНЕР

Стипендиатка для аристократа

или Бытовая магия по смете

Алиса Вернер

«Стипендиатка для аристократа, или Бытовая магия по смете»

«Автор»
2026

Вернер А.

«Стипендиатка для аристократа, или Бытовая магия по смете» / А. Вернер — «Автор», 2026

Лисса Брин — дочь мельника и студентка факультета бытовой магии. Её дар считают бесполезным: она чувствует вещи. Треснутую чашку, сырую стену, дом, который болен. Кассиан Лорн сделал ей предложение, но его бабушка, вдовствующая графиня, прислала шестнадцать страниц условий. Главное — смета свадьбы на триста гостей в пределах приданого невесты. А приданого у Лиссы сорок золотых. В родовом поместье Лорнов под свежей позолотой гниют балки, слуги голодают, а управляющий двенадцать лет пишет отчёты о ремонтах, которых никто не делал. Чтобы выйти замуж, Лиссе придётся выполнить пункт шестнадцатый: доказать, что она способна вести хозяйство Лорн-холла.

© Вернер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Техническое задание 5
Глава 2. Сметная стоимость 11
Глава 3. Непредвиденные расходы 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Алиса Вернер «Стипендиатка для аристократа, или Бытовая магия по смете»

Глава 1. Техническое задание

Если тебе дали невыполнимое задание — перечитай его. Обычно невыполнимое там не задание, а то, как его поняли.

— Из тетради Л. Брин

Меня зовут Лисса Брин. Мне двадцать лет. Я дочь мельника из деревни Ивовый Брод, студентка второго курса факультета бытовой магии Королевской академии Тёрнхолл и невеста Кассиана Лорна.

Последнее до сих пор звучит так, будто я это придумала.

Мама говорит, что я тарахчу, как мельница, и в этом она права. Но сейчас я попробую рассказать по порядку. Госпожа Вера — то есть Вера, она запретила мне называть её госпожой, но у меня пока не получается — говорит, что любую историю надо начинать с исходных данных. Иначе потом не сойдётся.

Исходные данные такие.

Резерв — шестьсот сорок искр. Немного. Для бытового мага — нормально. Я умею чистить, чинить, штопать, греть, сушить, месить, мыть, выводить пятна, заговаривать молоко, чтобы не скисало, и заделывать трещины в горшках так, что их потом не видно. А ещё я чувствую вещи. Не так, как Вера, — она видит цифры. Я не вижу. Я просто знаю. Если приложить ладонь к стене, я чувствую, тёплая она или больная. Если взять в руки старую чашку, я чувствую, любили её или бросали в мойку не глядя. Мама говорит, что это у меня от бабушки. Бабушка была знахаркой в соседней деревне и умела по скрипу двери сказать, когда в доме кто-то заболеет.

В академии это называется «предметная эмпатия». Профессор Уилмот с моего факультета говорит, что это бесполезный дар. Красивый, но бесполезный. Как вышивка на кухонном полотенце.

Я с ним не спорю. Мне кажется, он просто никогда не жил в доме, где течёт крыша.

Ещё есть Пуговка. Он искряк — маленький серебристый зверёк, похожий на хорька, только пушистее, с голубыми искорками на шёрстке. Он был фамильяром моей кузины, а потом остался со мной. Пуговка чихает искрами на тех, кто ему нравится, и съедает всё, что плохо лежит. Включая ошейники.

И есть Кассиан.

Кассиан сделал мне предложение в оранжерее, через три дня после Зимнего Солнцеворота.

Оранжерею как раз отремонтировали. Ту самую, под которой когда-то был склад проректора Вейса. Новый стеклянный купол, новые кадки, новые лимонные деревья, которые ещё не плодоносили, но уже пахли. Мы с Кассианом ходили туда по вечерам — заниматься. Ну, то есть он говорил, что заниматься. Я приносила учебники. Он приносил учебники. Мы садились на скамейку под лимонным деревом и до самого закрытия ни разу их не открывали.

В тот вечер он был очень странный. Молчал. Смотрел на свои руки. Три раза начинал фразу и не заканчивал. Я решила, что он заболел, и уже собиралась потрогать ему лоб, когда он вдруг встал со скамейки — и опустился на одно колено.

Прямо на мокрые плиты оранжереи. В своих дорогих брюках с серебряной вышивкой по шву.

— Брин, — сказал он. Он всегда называет меня по фамилии, с первого курса, когда ещё дразнил. — Лисса. Я…

И тут Пуговка, сидевший у меня на плече, чихнул.

Прямо ему в лицо. Облаком голубых искр.

Кассиан моргнул. Покачнулся. Чуть не упал на спину, взмахнул руками, ухватился за край кадки с лимоном — кадка накренилась, лимон зашатался. Я вскочила, чтобы поймать кадку. Кассиан вскочил, чтобы поймать меня. Мы оба чуть не упали в клумбу.

Когда всё успокоилось, он стоял посреди оранжереи с искрами в волосах, с мокрыми коленями и с маленькой бархатной коробочкой в руке.

— Брин, — сказал он отчаянно. — Выходи за меня. Пожалуйста. Я трижды репетировал это перед зеркалом, и ни разу никто не чихал.

Я сказала «да» раньше, чем он закончил. Кажется, я сказала это три раза подряд. А может, пять. А потом заплакала. А потом засмеялась. А потом Пуговка чихнул на нас обоих ещё раз, уже от радости, и нам пришлось долго вытряхивать искры из волос.

Кольцо было простое. Серебряное, тонкое, с крошечным голубым камнем.

— Это мамино, — сказал Кассиан тихо. — Отец отдал мне его, когда я сказал ему, что хочу на тебе жениться. Он сказал: «Наконец-то ты выбрал что-то сам».

Я смотрела на кольцо. Оно было тёплым. Когда я надела его на палец, я почувствовала — так, как чувствую вещи, — что его очень любили. Долго. Пока носили. И потом, когда уже не носили, — тоже.

Я никогда в жизни не держала в руках вещь, которую любили так сильно.

Письмо пришло на следующее утро.

Его принёс не ворон и не почтальон, а лакей. Настоящий лакей, в ливрее цвета тёмного вина с серебряными пуговицами, в белых перчатках и с таким лицом, будто академия Тёрнхолл была хлевом, а мы все — свиньями. Он вручил письмо на серебряном подносе. Мне. Посреди столовой, во время завтрака. При всём втором курсе.

Конверт был из плотной бумаги цвета слоновой кости. На сургуче — герб. Лилия и ключ. Герб рода Лорнов.

Внутри было шестнадцать страниц.

Я прочитала первую. Потом вторую. На третьей у меня задрожали руки. На шестой я поняла, что не дышу. На одиннадцатой Пуговка, сидевший у меня на плече, тихо и испуганно пискнул и спрятался мне за воротник.

Я сложила письмо, встала из-за стола, вышла из столовой, дошла до своей комнаты, закрыла дверь, села на кровать и написала Вере записку, которая «ничего не значила».

Вера пришла через десять минут. С Рейнаром. И с Дебетом.

— Шестнадцать страниц, — сказала Вера, разглаживая письмо на моём столе. — Мелким почерком. С пронумерованными пунктами. — Она подняла на меня глаза. И я впервые за утро увидела в них не сочувствие, а интерес. Живой, горячий, почти радостный. — Лисса, ты понимаешь, что это?

— Конец света, — сказала я.

— Это техническое задание, — сказала Вера.

Я моргнула.

— Что?

— Техническое задание, — повторила Вера. — У нас так называют документ, в котором заказчик пишет, что именно хочет получить. Требования, сроки, бюджет. Обычно заказчик сам не знает, чего хочет, и пишет туда всё подряд. А исполнитель потом читает и понимает, что это невыполнимо. — Она постучала пальцем по письму. — Почти всегда это не так. Почти всегда невыполнимое там не задание, а то, как его поняли.

Рейнар, стоявший у окна, тихо хмыкнул. Дебет запрыгнул на мою кровать, потоптался на подушке и лёг, с презрением глядя на Пуговку, который выглядывал у меня из-за воротника. Над рыжей головой кота, говорила Вера, горело «103». Я не видела. Но верила.

— Давай читать, — сказала Вера. — Вслух. По пунктам. Как договор.

И мы стали читать.

«Вдовствующая графиня Агата Лорн, глава рода Лорнов из Лорн-холла, — писала бабушка Кассиана твёрдым, острым, удивительно молодым почерком, — извещает девицу Лиссу Брин, дочь мельника из Ивового Брода, о нижеследующих условиях, без исполнения которых брак наследника рода с указанной девицей невозможен.

1. Девица Брин обязана прибыть в Лорн-холл на весенние каникулы академии и пребывать там до их окончания, дабы семейный совет рода имел возможность составить о ней мнение.

2. Свадьба наследника рода Лорнов проводится в Лорн-холле, в соответствии с традициями рода, при числе гостей не менее трёхсот, с надлежащим угощением, музыкой и убранством.

3. Расходы на свадьбу несёт сторона невесты в пределах её приданого. Род Лорнов не оплачивает свадьбу невесты, не способной внести достойный вклад. Девица Брин обязана представить смету расходов на свадьбу, утверждённую семейным советом.

4. Свадебное платье невесты должно соответствовать положению рода…»

И дальше. Платье. Цветы. Музыканты. Сорт вина. Число перемен блюд — двенадцать. Обязательное присутствие лебедей на пруду. Обязательная церемония в часовне Лорн-холла. Обязательное участие «старшей родни невесты» — вот на этом пункте я тихо застонала, представив маму и папу среди трёхсот аристократов. Обязательное знание невестой истории рода Лорнов «не менее чем за последние пять поколений».

И, наконец, шестнадцатый пункт. Последний. На отдельной странице. Подчёркнутый.

«16. Невеста наследника рода Лорнов обязана доказать семейному совету, что способна вести хозяйство Лорн-холла, как подобает хозяйке рода. Без этого доказательства никакие иные условия не имеют силы».

Вера дочитала. Отложила письмо. Посмотрела на меня.

— Сколько у тебя приданого? — спросила она.

Я сглотнула.

— Сорок золотых, — сказала я. — Папа копил с моего рождения. Он говорит, это на свадьбу. Он очень гордится.

— Сорок золотых, — повторила Вера медленно. — На свадьбу на триста гостей. С двенадцатью переменами блюд, лебедями и музыкантами.

— Это невозможно, — прошептала я.

— Это не невозможно, — сказала Вера. — Это рассчитано на то, чтобы ты так подумала.

Рейнар у окна повернулся.

— Она хочет, чтобы Лисса отказалась сама, — сказал он ровно. — Не запрещает свадьбу. Просто ставит условия, которые нельзя выполнить. Чтобы отказ был от Лиссы, а не от неё.

— Именно, — кивнула Вера. — Красиво. Почти как у Кесс. Только вместо иллюзии — бумага.

— Но я не могу их выполнить! — Голос у меня сорвался. — Вера, триста гостей! На сорок золотых! Одно платье «соответствующее положению рода» стоит, наверное, сто! Кассиан говорит, что ему всё равно, что он женится на мне хоть в мешке из-под муки, но его отец говорит, что бабушку нельзя злить, а его бабушка, говорят, страшнее леди Кесс, и…

— Лисса, — перебила Вера мягко. — Дыши.

Я подышала. Пуговка, высунувшись из-за воротника, ткнулся мне в щёку холодным носом.

— Пункт третий, — сказала Вера. — Перечитай.

Я перечитала.

«Расходы на свадьбу несёт сторона невесты в пределах её приданого».

— В пределах её приданого, — сказала Вера. — Не «не менее тысячи». Не «соответственно положению рода». В пределах. То есть не больше. Это ограничение сверху, а не снизу. Если приданое — сорок золотых, свадьба должна стоить не больше сорока золотых. Она сама так написала.

Я смотрела на письмо.

— Но пункт второй — триста гостей, двенадцать перемен…

— Пункт второй требует трёхсот гостей, угощения, музыки и убранства, — сказала Вера. — Он не говорит, сколько это должно стоить. Это требования к результату. А пункт третий — требование к бюджету. Два пункта противоречат друг другу, только если считать, что свадьба на триста гостей обязательно стоит дорого.

— А она стоит дорого!

— У аристократов — да, — сказала Вера. — Потому что они платят за всё. За повара, за продукты, за музыкантов, за цветы, за прислугу. По тем ценам, которые им называют. А у тебя есть кое-что, чего у них нет.

— Что?

— Ты, — сказала Вера. — Бытовой маг. Дочь мельника. Ты сама умеешь печь, чинить, шить, мыть, чистить и заговаривать молоко. Ты знаешь, сколько стоит мука. Не по прейскуранту. По-настоящему. Ты знаешь, где брать продукты не у поставщиков двора, а у тех, кто их выращивает.

Я молчала.

— А это, — Вера положила палец на шестнадцатый пункт, — это вообще подарок.

— Подарок? — Я уставилась на неё. — «Невеста обязана доказать, что способна вести хозяйство Лорн-холла»? Вера, я в жизни не была в поместье! Я не знаю, как там ведут хозяйство! У нас мельница, курятник и огород!

— Хозяйство везде одно и то же, — сказала Вера. — Приход. Расход. Остаток. Мельница или поместье — разница только в нулях. — Она помолчала. — А главное — смотри, как это написано. «Без этого доказательства никакие иные условия не имеют силы». Это значит, что пункт шестнадцатый — главный. Он сильнее всех остальных. Если ты выполнишь его — остальные пятнадцать можно обсуждать. А если не выполнишь — даже лебеди не помогут.

Рейнар у окна тихо сказал:

— Она написала его как ловушку. Но любая ловушка закрывается с двух сторон.

Я долго смотрела на шестнадцать страниц на своём столе. Мелкий острый почерк. Лилия и ключ на сургуче.

— Вера, — сказала я наконец. — Вы поедете со мной?

Вера переглянулась с Рейнаром.

— Нет, — сказала она.

У меня упало сердце.

— Не сразу, — добавила Вера. — Это твоя проверка, Лисса. Не моя. Если я приеду с тобой в первый же день, графиня скажет, что за тебя всё сделала Главный ревизор короны. И будет права. — Она взяла меня за руку. — Ты поедешь сама. Будешь смотреть. Слушать. Записывать. Всё. Цены, людей, комнаты, разговоры, что течёт, что скрипит, что пахнет не так. Как я в хранилище. А когда наберёшь исходные данные — напишешь мне. И тогда я приеду. Как консультант.

— А если я не справлюсь?

— Ты справишься, — сказала Вера.

— Откуда вы знаете?

Вера улыбнулась.

— Ты единственная в академии, — сказала она, — кто заметил, что Пуговка съел ошейник, не потому что голодный, а потому что ошейник жал. И перешила его. И Пуговка его больше не ест.

Я посмотрела на Пуговку. Он сидел у меня на плече, в аккуратном ошейнике из мягкой кожи с серебряной полоской. Ошейник был цел уже четыре месяца.

— Это просто ошейник, — сказала я.

— Это просто внимание, — сказала Вера. — Ко всему, что вокруг. Это и есть хозяйство.

Вечером ко мне пришёл Кассиан.

Он стоял в дверях моей комнаты — высокий, светловолосый, в мантии четвёртого курса с серебряной вышивкой по вороту. Лицо бледное. Под глазами тени. Он, наверное, тоже не спал.

— Ты прочитала, — сказал он. Не вопрос.

— Прочитала.

Он вошёл. Закрыл дверь. Сел на мою кровать — рядом, но не касаясь. Долго смотрел в пол.

— Брин, — сказал он наконец. — Я поговорю с отцом. Он заплатит. Сколько нужно. Тысячу. Две. Бабушка ничего не узнает, мы просто скажем, что это твоё приданое…

— Нет, — сказала я.

Он поднял голову.

— Почему?

— Потому что это будет неправда, — сказала я. — И потому что она узнает. Такие люди всегда узнают. А когда узнает — скажет, что я обманщица. И что дочь мельника купила себе аристократа на его же деньги. И будет права.

— Мне всё равно, что она скажет!

— А мне — нет, — сказала я тихо. — Кассиан, она твоя бабушка. Ты её любишь. Я видела, как ты пишешь ей письма на каждый праздник. Как ты носишь её миниатюру в часах. Я не хочу, чтобы ты выбирал между нами. Я хочу, чтобы она сама выбрала меня.

Он смотрел на меня. Долго.

— Ты её не знаешь, — сказал он. — Она никого не выбирает. Она выбирает только то, что выгодно роду. Моя мать была из старой семьи, с хорошим приданым, и бабушка всё равно не разговаривала с ней три года. Она называла её «эта бледная девица из Эвертонов».

— А потом?

— А потом, — сказал Кассиан, — мама три года вела Лорн-холл, пока отец был в столице. И бабушка сказала про неё на похоронах: «Единственная, кто понимал, сколько стоит черепица».

Я молчала.

— Шестнадцатый пункт, — сказал Кассиан тихо. — Это не просто так. Это про маму.

Я взяла его за руку.

Его пальцы были холодными. Я сжала их. Потом — я ничего не могла с собой поделать, это происходит само, — почувствовала. Как чувствую чашки и стены. Его рука была усталой. Напряжённой. И очень, очень одинокой. Так чувствуются вещи, которые долго держали в шкафу и доставали только по праздникам.

— Кассиан, — сказала я. — Я поеду. Я сделаю смету. Я выполню шестнадцатый пункт. Сама.

— А если не получится?

— Тогда, — сказала я, — я выйду за тебя в мешке из-под муки. Как ты обещал.

Он рассмеялся. Впервые за весь день. И уткнулся лбом мне в плечо.

Пуговка, сидевший на подушке, чихнул на нас обоих. Тихонько. Одобрительно.

Перед сном я открыла новую тетрадь.

Её подарила мне Вера, ещё прошлой осенью. Толстая, в зелёной обложке, с разлинованными страницами. «Для исходных данных, — сказала она тогда. — У тебя их будет много». Я не понимала, что она имела в виду. Записывала туда рецепты, домашние задания и иногда — стихи. Плохие.

Я перевернула на чистую страницу. Взяла перо. И написала:

«Смета свадьбы. Исходные данные.

Бюджет: 40 зол. Гостей: 300. Перемен блюд: 12. Место: Лорн-холл. Срок прибытия: весенние каникулы, через 6 недель.

Неизвестно: 1. Сколько стоит еда в Лорн-холле. 2. Кто в Лорн-холле ведёт хозяйство. 3. Почему бабушка Кассиана так хочет, чтобы я отказалась.»

Я посмотрела на третий вопрос. Подумала. И приписала ниже, маленькими буквами:

«4. Почему она написала шестнадцатый пункт про хозяйство, если ей нужно просто, чтобы я отказалась?»

Я долго смотрела на этот вопрос.

Потом закрыла тетрадь. Задула свечу. И легла.

Пуговка свернулся у меня на шее тёплым пушистым шарфом и сопел.

Мне снилась крыша. Большая, высокая, покрытая красной черепицей. И она текла.

Глава 2. Сметная стоимость

Дом можно покрасить за день. А узнать, сколько он на самом деле стоит, можно только положив ладонь на стену.

— Из тетради Л. Брин

Лорн-холл стоял на холме над рекой, в половине дня езды от академии, и был похож на торт, который очень долго украшали, а потом забыли съесть.

Белые стены. Высокие окна с цветными стёклами. Четыре башенки с позолоченными флюгерами в виде ключей. Широкое крыльцо с колоннами, увитыми плющом. Перед домом — пруд, в пруду — лебеди. Два. Белые, гордые, с изогнутыми шеями. За домом — парк, подстриженный так ровно, будто его стригли по линейке.

Я смотрела на всё это из окна кареты и чувствовала, как у меня холодеют руки.

— Красиво, — сказала я.

— Красиво, — согласился Кассиан. Он сидел напротив, в дорожном плаще, и смотрел не на дом, а на меня. — Брин, ты бледная.

— Я всегда бледная. У меня веснушки, на их фоне любой бледный.

— Ты бледнее веснушек.

Пуговка, свернувшийся у меня на коленях, приоткрыл один глаз и посмотрел в окно. Здесь он был тише обычного. Лорн-холл стоял на самом краю того расстояния, куда дотягивается сила Колодца академии. Искряки без неё слабеют. Пуговка не болел — просто много спал и мало чихал. Я гладила его по серебристой спинке и чувствовала, как под пальцами слабо, едва заметно потрескивают искорки.

Карета остановилась у крыльца.

Нас встречали.

Старый дворецкий в чёрном фраке — высокий, сутулый, с седыми бакенбардами и таким выражением лица, будто он лично помнил основание рода Лорнов и с тех пор не видел ничего, что заслуживало бы одобрения. Трое лакеев в тех же винно-красных ливреях, что и у вестника, принёсшего письмо. Две горничные в белых передниках. И мужчина лет пятидесяти — невысокий, плотный, в тёмно-зелёном сюртуке безупречного покроя, с аккуратно подстриженной бородкой и связкой ключей на поясе.

Ключей было много. Штук тридцать. Они тихо звякали, когда он шёл.

— Молодой господин, — сказал он, кланяясь Кассиану. Голос у него был мягкий, приятный, как тёплое масло. — С приездом. Её сиятельство ожидает вас в Малой гостиной. — Он перевёл взгляд на меня. Улыбнулся. — А это, полагаю, девица Брин. Освальд Хеммет, управляющий Лорн-холла. К вашим услугам, сударыня.

— Спасибо, — сказала я. — Очень приятно.

Он поклонился и мне — чуть ниже, чем было нужно. Так кланяются, когда хотят, чтобы другие заметили, насколько ты вежлив.

Дворецкий не поклонился вовсе. Он просто посмотрел на меня поверх бакенбард. Долго. Потом — на мой дорожный саквояж, старый, папин, с кожаными заплатками на углах. Потом — на Пуговку у меня на руках.

— Животных в доме держать не принято, — сказал он скрипучим голосом.

— Это не животное, — сказала я. — Это искряк. Фамильяр.

— Фамильяров в доме тоже держать не принято, — сказал дворецкий.

— Фенвик, — тихо сказал Кассиан.

Дворецкий посмотрел на него. Потом снова на Пуговку. Пуговка открыл один глаз и посмотрел на дворецкого.

— Хм, — сказал Фенвик. И отступил в сторону, пропуская нас в дом.

Я положила ладонь на дверной косяк, когда проходила мимо.

Не специально. Просто привычка. Я всегда так делаю, когда вхожу в чужой дом. Мама учила: «Поздоровайся с домом, Лисса. Он тебя впустил». В детстве я думала, что это просто приговорка. А потом, когда проснулся дар, поняла, что дома и правда отвечают.

Этот ответил.

Косяк был выкрашен свежей белой краской, гладкой и блестящей. А под ней — я почувствовала это так ясно, будто заглянула внутрь, — дерево было мокрым. Не сырым — мокрым. Давно. Глубоко. Волокна набухли, размякли, кое-где уже начали крошиться. Как зуб, который ещё блестит снаружи, а внутри уже весь в дырах.

Я отдёрнула руку.

— Что? — тихо спросил Кассиан.

— Ничего, — сказала я.

Это была неправда. Но я ещё не знала, что это за правда.

Холл был огромным. Мраморный пол в чёрно-белую клетку, как шахматная доска. Широкая лестница с резными перилами, уходящая на второй этаж. На стенах — портреты в тяжёлых золочёных рамах. Мужчины в доспехах, мужчины в камзолах, женщины в пышных платьях. Все светловолосые. Все — с одинаковыми светлыми глазами, как у Кассиана. Все — смотрят сверху вниз.

Под потолком висела люстра. Хрустальная, огромная, со множеством подвесок. В ней горели свечи. Много свечей.

Я подняла голову и посмотрела на люстру. Потом на потолок вокруг неё. Белый, с лепниной — виноградные лозы, листья, гроздья. Свежий. Красивый.

Над люстрой, в самом углу, у лепного карниза, было пятно. Маленькое. Едва заметное. Желтоватое, с тёмной каймой. Его закрасили — я видела, что закрасили, слой краски там был толще, — но оно проступило снова.

Так проступают пятна от воды.

Я ничего не сказала.

Малая гостиная была маленькой только по меркам Лорн-холла. По меркам нашей мельницы в ней поместились бы и мельница, и курятник, и огород. Стены, обтянутые зелёным шёлком. Камин из белого мрамора. Мягкие кресла. Столик с чайным сервизом. Окна — на парк.

У камина в высоком кресле сидела старая женщина.

Очень старая. Маленькая, худая, прямая, как трость, на которую она опиралась обеими руками. Трость была чёрная, с серебряным набалдашником в виде ключа. Платье — тёмно-фиолетовое, почти чёрное, с высоким кружевным воротником. Седые волосы уложены в сложную причёску под кружевной наколкой. На груди — лорнет на длинной золотой цепочке.

Лицо — сухое, резкое, всё в тонких морщинах, как старый пергамент. И глаза. Чёрные. Не светлые, как у всех Лорнов на портретах. Чёрные, блестящие, пронзительные, как у птицы.

Вдовствующая графиня Агата Лорн.

Рядом с ней, на диване, сидела молодая девушка. Я заметила её не сразу — она сидела так тихо и неподвижно, что сливалась с зелёным шёлком обивки. А когда заметила — у меня сжалось сердце.

Она была красивой. Очень. Тёмные волосы, уложенные в гладкую причёску. Бледная кожа без единой веснушки. Большие серые глаза. Платье цвета сливок, простое и такое доро-

гое, что я даже не решилась прикинуть его цену. В руках — вышивание. Она подняла на нас глаза, посмотрела на Кассиана, потом на меня — и снова опустила взгляд на вышивку.

— Бабушка, — сказал Кассиан. Подошёл, наклонился, поцеловал сухую старческую руку. — Я привёз Лиссу.

Графиня не ответила. Она медленно подняла лорнет к глазам. И посмотрела на меня сквозь него. Сверху вниз. Снизу вверх. Задержалась на моих башмаках — дорожных, крепких, на толстой подошве. На саквояже, который я так и не выпустила из рук, — лакей хотел забрать, а я забыла отдать. На Пуговке.

— Это что? — спросила она.

Голос у неё был неожиданно сильный. Низкий, хрипловатый.

— Искряк, ваше сиятельство, — сказала я. — Пуговка. Мой фамильяр.

— Я спросила не про зверя, — сказала графиня. — Я спросила про саквояж.

Я посмотрела на саквояж.

— Это папин, ваше сиятельство. Он с ним ездил на ярмарки в столицу. Тридцать лет.

— Видно, — сказала графиня.

Девушка на диване тихо, едва слышно хмыкнула. Не зло. Скорее… сочувственно.

— Это леди Сибилла Вэйл, — сказала графиня, не опуская лорнета. — Дочь лорда Вэйла из Серебряных Холмов. Гостит у нас. Она будет присутствовать на семейном совете. Как давняя подруга семьи.

Сибилла Вэйл подняла на меня глаза и чуть-чуть, едва заметно, кивнула. Я кивнула в ответ.

Давняя подруга семьи. С приданым, наверное, как весь Ивовый Брод. С платьем цвета сливок.

Мне вдруг очень захотелось обратно в карету.

— Садитесь, девица Брин, — сказала графиня. — Чаю?

Чай был ужасный.

Я поняла это с первого глотка. Нет, не на вкус — на вкус он был нормальный, крепкий, с бергамотом. Но я взяла чашку — и почувствовала её. Фарфоровая, тонкая, с золотым ободком и маленькой лилией на боку. Красивая. И треснутая. Глубоко, изнутри, по самому дну. Трещину не видно — её заклеили каким-то составом и закрасили сверху. Но она была. Чашка держалась из последних сил. Её не любили — её чинили. Наспех. Так, чтобы не заметили.

Я поставила чашку на блюдце. Очень осторожно.

— Вам не нравится чай? — спросила графиня. Лорнет так и висел у неё перед глазами.

— Нравится, ваше сиятельство, — сказала я. — Просто чашка треснутая. Я боюсь, что она лопнет.

Тишина.

Кассиан замер с чашкой у рта. Сибилла Вэйл подняла глаза от вышивки. Управляющий Хеммет, который вошёл следом за нами и стоял у двери, перестал звякать ключами.

— Что? — сказала графиня.

— Трещина по дну, — сказала я. — Изнутри. Её заклеили и закрасили. Если налить кипяток погорячее, она разойдётся.

Графиня медленно опустила лорнет. Посмотрела на меня. Потом на чашку в моих руках. Потом — на управляющего у двери.

— Хеммет, — сказала она. — Этот сервиз чинили?

— Нет, ваше сиятельство, — мягко сказал Хеммет. — Этот сервиз в идеальном состоянии. Его привёз ваш покойный супруг из Аркенхольма сорок лет назад. Ни одной трещины. Девица, должно быть, ошиблась. Фарфор иногда… кажется треснутым в определённом освещении.

— Кажется, — повторила графиня. Голос у неё был ровным.

Она взяла свою чашку. Поднесла к глазам. Повертела. Посмотрела на дно сквозь лорнет. Я видела, как напряжённо щурятся её чёрные птичьи глаза за линзой. Как она моргает. Как подносит чашку всё ближе и ближе к лицу.

И вдруг поняла.

Она не видит. Почти. Её глаза — чёрные, пронзительные, птичьи — видели очень плохо. Лорнет не помогал. Она смотрела на дно чашки в упор и не могла разглядеть трещину, которую я чувствовала, даже не глядя.

— Я ничего не вижу, — сказала графиня. Тихо. Почти неслышно.

— Это потому, что её закрасили, — быстро сказала я. — Её никто не увидит. Только почувствует.

— Почувствует, — повторила графиня. Поставила чашку. — Вы чувствуете чашки, девица Брин?

— Чашки. Стены. Двери. Всё, что сделано руками. Это дар. Предметная эмпатия. Профессор Уилмот говорит, что он бесполезный.

Графиня Агата Лорн смотрела на меня. Долго. Очень долго. Потом снова подняла лорнет.

— Ваш профессор Уилмот, — сказала она, — никогда не держал хозяйство.

За ужином я перепутала вилки.

Их было четыре. Справа от тарелки. Слева — ещё три. Сверху — две ложки. Я взяла не ту для рыбы. Потом не ту для мяса. Потом уронила нож.

Графиня смотрела на меня через стол сквозь лорнет и молчала. Сибилла Вэйл ела аккуратно, бесшумно, не поднимая глаз. Кассиан под столом сжимал мою руку так сильно, что у меня онемели пальцы.

Управляющий Хеммет не ужинал с нами. Он стоял у буфета и наблюдал за слугами. Лакеи подавали блюда — одно за другим. Суп. Рыба. Жаркое. Птица. Пирог. Сыр. Фрукты. Сладкое.

Восемь перемен. На четверых.

Я смотрела на блюда и считала. Не специально. Просто привычка — у нас на мельнице всегда считали. Сколько муки ушло, сколько хлеба испекли, сколько зерна осталось. Мама говорила: «Кто не считает за столом, тот потом не ест».

Рыба — речная форель. Здесь, у реки, её ловят мальчишки на удочку и продают по три медяка за штуку. Подали две. На серебряном блюде, с лимонами.

Лимоны. Зимой. Лимоны везут с юга, из-за гор. Один лимон в Аркенхольме стоит серебряную монету. Здесь — наверное, две. На блюде их было шесть.

Жаркое — говядина. Хорошая. Птица — фазан. Вино — красное, тёмное, в хрустальном графине.

Я ела и считала. И к сладкому у меня в голове сложилась цифра.

Этот ужин на четверых стоил примерно столько, сколько папа зарабатывает на мельнице за месяц.

А потом я посмотрела на лакеев.

Они стояли вдоль стены. Трое. Прямые, неподвижные, в своих винно-красных ливреях с серебряными пуговицами. Лица — каменные.

Один из них — самый молодой, лет шестнадцати, с оттопыренными ушами — смотрел на блюдо с недоеденным фазаном. Не отрываясь. Сглатывая.

Он был голодный.

Не просто хотел есть — был голодный. Так смотрят на еду мальчишки в Ивовом Броде в конце зимы, когда в погребах кончаются запасы, а до весны ещё далеко.

Я посмотрела на других лакеев. На горничную, которая убирала тарелки. У неё были впалые щёки и тени под глазами.

Я ничего не сказала.

Но записала.

Комнату мне отвели в Восточном крыле.

Далеко от главного дома. Длинный коридор, лестница, ещё один коридор. Свечей на стенах было мало, через одну. Горничная, которая меня провожала, шла быстро и не оглядывалась.

— Восточное крыло недавно отремонтировали, — сказала она на ходу, не глядя на меня. — Прошлой осенью. Новая крыша, новые полы. Её сиятельство велела поселить вас здесь. Здесь… просторно.

Комната и правда была просторной. Высокий потолок с лепниной. Большое окно с видом на парк. Кровать под балдахином, туалетный столик, гардероб, кресло у камина. Камин не горел.

И было холодно. Очень. Так холодно, что изо рта шёл пар.

Горничная поставила свечу на столик и быстро ушла.

Я осталась одна. Посмотрела на камин. Поленьев не было. Посмотрела на кровать. Положила ладонь на матрас.

Сырой.

Не мокрый — сырой. Глубоко, по всей толщине. Так бывает, когда матрас долго лежит в комнате, где течёт.

Я подняла голову и посмотрела на потолок.

Свежая побелка. Красивая лепнина. А в углу, над окном, — пятно. Маленькое. Желтоватое. С тёмной каймой.

Новая крыша. Прошлой осенью.

Я сняла башмаки. Встала на кресло. Дотянулась до потолка. И приложила ладонь.

Дом ответил.

Это было как прикоснуться к больному. Холодно. Влажно. Тяжело. Дерево балок под штукатуркой — мокрое, гнилое, набухшее. Крыша над ними — старая. Очень старая. Черепица — та же, что лежала здесь лет пятьдесят назад, потрескавшаяся, сдвинувшаяся, с дырами, сквозь которые годами текла вода. Никто не менял её. Никто не чинил. Ни прошлой осенью, ни позапрошлой. Никогда.

Её покрасили. Снизу. Побелили потолок. Повесили лепнину. И сказали, что это ремонт.

Я слезла с кресла. Села на холодную кровать. Пуговка выбрался у меня из-за пазухи, огляделся, чихнул — слабо, одной крошечной искоркой — и забрался обратно.

Где-то над головой, в темноте, за свежей побелкой, тихо капала вода.

Кап. Кап. Кап.

Я не спала до утра.

Сначала — грела комнату. Это я умею. Бытовая магия, первый курс, «согревающие чары малой площади». Я встала посреди комнаты, сложила ладони, представила, как тепло течёт из моих рук в воздух, в стены, в пол. Как у мамы на кухне, когда печь только растопили. Через полчаса изо рта перестал идти пар.

Потом — сушила матрас. Это тоже первый курс, «осушающие чары для белья». Я положила на него ладони и долго, медленно вытягивала сырость, пока ткань не стала сухой и тёплой. Это стоило мне почти сотни искр. Матрас был очень сырой.

Потом я села за туалетный столик, зажгла свечу, открыла зелёную тетрадь и начала писать.

«Лорн-холл. День первый. Исходные данные.

1. Дверной косяк в холле — гнилой под краской.

2. Пятно от воды на потолке холла, над люстрой. Закрашено, проступило.

3. Чайный сервиз — треснутый, склеенный, закрашенный. Управляющий Хеммет говорит, что в идеальном состоянии.

4. Графиня почти не видит. Лорнет не помогает.

5. Ужин на четверых — около 3 зол. (форель, 6 лимонов, фазан, говядина, вино). Восемь перемен.

6. Слуги голодные. Лакей лет 16 — очень. Горничная — впалые щёки.

7. Восточное крыло — «новая крыша прошлой осенью». Крыша старая, не менялась лет 50. Течёт. Балки гнилые. Потолок побелен поверх.

8. Матрасы сырые. Камин без дров.»

Я перечитала. Подумала. И дописала внизу:

«Кто-то тратит деньги на лимоны и лепнину. А на крышу и на слуг — не тратит. Но говорит, что тратит.

Вопрос: кто?»

Я посмотрела на последнее слово. Потом вспомнила мягкий голос, как тёплое масло. Аккуратную бородку. Тридцать ключей на поясе, которые тихо звякали, когда он шёл.

«Этот сервиз в идеальном состоянии».

Я не стала писать имя.

Вера учила: не говори, что нашла, пока не досчитала до конца.

Утром ко мне в дверь постучали.

На пороге стоял управляющий Хеммет. Свежий, бодрый, выбритый, в тёмно-зелёном сюртуке. Ключи на поясе тихо звякнули.

— Доброе утро, сударыня, — сказал он с тёплой улыбкой. — Надеюсь, вы хорошо спали? Её сиятельство просила передать вам вот это.

Он протянул мне лист бумаги. Плотной, цвета слоновой кости, с лилией и ключом в углу.

«Девице Брин.

Семейный совет рода Лорнов соберётся через десять дней для предварительного рассмотрения сметы свадьбы. Смета должна быть представлена в письменном виде, с указанием всех статей расходов. В пределах приданого невесты. Согласно пункту третьему.

А. Л.»

Десять дней.

Я подняла глаза на Хеммета. Он улыбался. Тепло. Доброжелательно. Сочувственно.

— Если вам понадобится помощь со сметой, сударыня, — сказал он мягко, — я к вашим услугам. Я веду хозяйство Лорн-холла двенадцать лет. Знаю все цены. Всех поставщиков. Могу дать вам… ориентиры.

— Спасибо, господин Хеммет, — сказала я. — Мне бы хотелось посмотреть кухню. И кладовые. И поговорить с кухаркой.

Улыбка Хеммета не дрогнула. Но ключи на поясе звякнули. Один раз. Резко.

— Кухню? — переспросил он. — Сударыня, невесте наследника не подобает…

— Пункт шестнадцатый, — сказала я. — «Невеста обязана доказать, что способна вести хозяйство Лорн-холла». Как я докажу, если не видела кухни?

Хеммет смотрел на меня. Секунду. Две.

— Разумеется, — сказал он наконец. Улыбка стала чуть шире. — Разумеется, сударыня. Я распоряжусь. Тётушка Розмари будет рада.

Он поклонился и ушёл. Ключи звякали всё тише и тише, удаляясь по коридору.

Я закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной.

Пуговка высунул нос у меня из-за ворота и чихнул. На этот раз — громко. Целым облачком искр.

Не на меня.

На то место, где только что стоял управляющий.

Пуговка чихает на тех, кто ему нравится. Это все знают.

Но иногда, очень редко, он чихает и на тех, кто ему не нравится. Только по-другому. Резко. Сердито. Как будто хочет что-то отпугнуть.

Вот так, как сейчас.

Глава 3. Непредвиденные расходы

Хочешь узнать, как живёт дом, — иди не в гостиную, а на кухню. Гостиная врёт. Кухня — никогда.

— Из тетради Л. Брин

Кухня Лорн-холла была под землёй.

Не совсем — в полуподвале, под Западным крылом. Туда вела узкая каменная лестница, крутая и скользкая, с выщербленными ступенями. Чем ниже я спускалась, тем теплее становилось и тем вкуснее пахло: хлебом, луком, дымом и чем-то сладким, вроде печёных яблок.

Я шла и улыбалась. Впервые с тех пор, как увидела Лорн-холл из окна кареты.

Кухня пахла как дом.

Она была огромной. Сводчатый потолок, закопчённый до черноты. Две большие печи — одна для хлеба, другая для всего остального. Очаг с вертелом, на котором ничего не жарилось. Длинный дубовый стол посередине, изрезанный ножами за сотни лет. Полки с медными кастрюлями — начищенными, блестящими. Связки лука и чеснока под потолком. Мешки в углу.

И у стола — женщина.

Большая. Не толстая — большая, широкая, как печь. В сером платье, белом фартуке и белом чепце, из-под которого выбивались седые кудряшки. Руки — по локоть в муке. Лицо — круглое, красное от жара, с маленькими острыми глазками.

Она месила тесто. Мощно, ритмично, с силой, от которой вздрагивал стол.

Увидев меня, она не перестала месить.

— Ты, что ли, невеста? — спросила она.

— Я, — сказала я.

Она оглядела меня с головы до ног. Задержалась на руках.

— Руки рабочие, — сказала она. — Не барские. Мельничиха?

— Мельникова дочка. Из Ивового Брода.

Кухарка перестала месить. Подняла голову. Посмотрела на меня внимательнее.

— Брин? — спросила она. — Томаса Брина дочка?

— Да, — удивилась я. — Вы знаете папу?

— Знаю ли я Томаса Брина, — сказала кухарка, — двадцать лет его мукой пеку. Лучшая мука в округе. Мелкая, белая, без отрубей. А ты, значит, его девчонка. — Она отряхнула руки о фартук и протянула мне одну — огромную, тёплую, шершавую. — Розмари. Тётушка Розмари. Тридцать лет на этой кухне.

Я пожала её руку. И почувствовала: эта рука знала, как месить тесто так, чтобы хлеб получался пышным. Как держать нож. Как гладить по голове плачущих поварят. Эта рука была очень усталой. И очень доброй.

— Садись, мельникова дочка, — сказала тётушка Розмари. — Ты завтракала?

— Нет.

— А я так и знала. — Она подвинула ко мне табуретку и поставила на стол миску. — Наверху тебе дадут лимон с форелью. А здесь — каша. Ешь.

Каша была пшённая, с маслом. Самая вкусная каша, которую я ела с тех пор, как уехала из дома.

Пока я ела, на кухню спускались люди. Поварята — двое мальчишек лет двенадцати. Судомойка — тощая девочка с красными от воды руками. Две горничные. Лакей с оттопыренными ушами — тот самый, который вчера смотрел на фазана. Конюх. Садовник. Прачка.

Они садились за длинный стол. Тётушка Розмари ставила перед каждым миску. Каши. Только каши. Без масла. Хлеба — по тонкому ломтю.

Я смотрела на их миски. Потом на свою, с маслом.

— А почему у них без масла? — спросила я тихо.

Тётушка Розмари помолчала.

— Масло — наверх, — сказала она. — Её сиятельству, молодому господину, гостям. Нам — что останется. А остаётся мало.

— Но вчера наверху было восемь перемен блюд. Фазан. Форель. Говядина. Там столько осталось…

— Остатки господин Хеммет велит отдавать свиньям, — сказала тётушка Розмари. Ровно. Без выражения. — Говорит, нечего прислуге приучаться к господской еде.

Лакей с оттопыренными ушами опустил голову над миской.

— А жалованье? — спросила я.

Тишина за столом стала другой. Тяжёлой.

— Четыре месяца не плачено, — сказала наконец прачка — немолодая женщина с натруженными руками. Тихо. Не поднимая глаз. — Господин Хеммет говорит, задержка. Из-за ремонта. Восточное крыло, крыша, полы. Говорит, как закончат — заплатят всё.

— Восточное крыло закончили прошлой осенью, — сказала я.

— Говорят, закончили, — сказал конюх. Пожилой, бородатый, с трубкой в зубах, которую он не зажигал. — Я не видел, чтобы кто-то лазил на крышу. Подвод с черепицей не видел. Кровельщиков не видел. А я в конюшне с утра до ночи. Мимо меня ни одна подвода не проедет.

— Тихо, Джем, — сказала тётушка Розмари.

— А что тихо? — Конюх вынул трубку изо рта. — Пусть знает. Она невеста. Ей тут хозяйкой быть. Пусть знает, как оно есть.

После завтрака тётушка Розмари показала мне кладовые.

Их было пять. Мучная, мясная, овощная, винный погреб и «господская» — та, где хранились дорогие продукты: сахар, пряности, чай, кофе, южные фрукты, сыры.

Я ходила по ним и записывала. Всё. Что лежит, сколько, в каком состоянии.

Мучная была почти пустой. Три мешка. Мясная — полупустой: несколько окороков, связка колбас, бочонок солонины. Овощная — картошка, репа, лук. Немного. До весны хватит, если не жадничать.

А «господская» была полной. Лимоны в ящике, переложенные соломой. Апельсины. Сахар — целыми головами. Пряности в маленьких мешочках. Чай — три сорта. Кофе. Шоколад. Сыры с южных гор, завёрнутые в воск.

— Это всё — наверх, — сказала тётушка Розмари, стоя в дверях. — Господин Хеммет сам заказывает. Сам принимает. Ключ — у него.

Я посмотрела на неё.

— А книга? — спросила я. — Учёт? Кто записывает, что приходит и что уходит?

— Господин Хеммет, — сказала тётушка Розмари. — У него книга. А у меня — своя.

Я замерла.

— Своя?

Тётушка Розмари помолчала. Потом вздохнула, как будто решилась на что-то. Ушла вглубь кухни. Вернулась с толстой засаленной тетрадью в картонной обложке, перевязанной бечёвкой.

— Тридцать лет веду, — сказала она. — Сначала для её сиятельства. Она тогда сама хозяйство держала. Каждую неделю спускалась сюда, смотрела мою книгу, сверяла со своей. Каждый мешок муки, каждую голову сахара. Она была строгая. Ох, строгая. Но честная. Никогда не обсчитывала. — Тётушка Розмари погладила обложку тетради. — А потом глаза у неё

стали плохие. Лет двенадцать назад. Она перестала спускаться. Наняла господина Хеммета. Он сказал, что моя книга больше не нужна, у него своя. А я… я всё равно веду. По привычке.

Она протянула мне тетрадь.

Я взяла её. И почувствовала.

Эту тетрадь любили. Не просто вели — любили. Каждую страницу. Каждую цифру. Её держали в руках каждый вечер, при свече, после того как все уходили спать. Её писали не для кого-то. Для себя. Чтобы было правильно.

Я развязала бечёвку. Открыла.

Даты. Названия. Количество. «Мука с мельницы Брина — 10 мешков». «Сахар — 4 головы». «Масло сливочное — 2 бочонка». Аккуратный почерк, круглые буквы, кое-где — пятна муки и жира.

Я листала страницы. Год. Два. Пять. Десять.

— Тётушка Розмари, — сказала я медленно. — Мука с мельницы Брина. Десять мешков в месяц. Это вы получали?

— Получала. Как часы. Каждое первое число.

— А сколько за неё платили?

Тётушка Розмари пожала плечами.

— Не знаю. Платит господин Хеммет. Мне только привозят.

Я закрыла тетрадь.

Я знала, сколько стоит мешок муки с папиной мельницы. Я знала это с шести лет. Один серебряный. Для постоянных покупателей — девять медяков. Папа никогда не поднимал цену для Лорн-холла. Он гордился, что его мука идёт к самой графине. Он рассказывал об этом каждому, кто приезжал на мельницу.

Десять мешков в месяц. Десять серебряных. Самое большее.

— Тётушка Розмари, — сказала я. — А можно мне посмотреть книгу господина Хеммета?

Кухарка посмотрела на меня. Долго. Потом покачала головой.

— Нельзя, — сказала она. — Книга у него в кабинете. Кабинет — на ключ. Ключ — у него на поясе. Тридцать ключей, мельникова дочка. Ко всему в этом доме. И ни одного — у её сиятельства.

Я провела на кухне весь день.

Не потому, что собиралась. Просто так получилось.

Сначала я помогла тётушке Розмари с хлебной печью. Печь была старая, дымила, тяга плохая. Я положила ладонь на кирпичи и почувствовала — дымоход забит сажей почти до половины. Его не чистили лет пять. Трубочист приходил, говорила тётушка Розмари, каждую осень, господин Хеммет ему платил. Но, видимо, трубочист только приходил. Я села на табуретку у печи, закрыла глаза и долго, медленно, по сантиметру, выталкивала сажу из дымохода. Бытовая магия, второй курс, «очищающие чары для труб и дымоходов». Профессор Уилмот говорил, что это работа для трубочистов, а не для магов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.